

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Д. ТАБАЧНИК

*доктор исторических наук, профессор,
академик НАПрН Украины,
Министр образования и науки Украины*

Великий князь Киевский Ярослав Владимирович относится к величайшим государственным деятелям не только периода Киевской Руси, но и всей отечественной истории. Именно благодаря государственной деятельности Ярослава Мудрого Древнерусское государство значительно расширило свои границы и сделало их безопасными, достигло единства и неразрывно связанного с ним пика своего могущества, став одним из наиболее влиятельных европейских держав периода раннего феодализма. Без преувеличения можно констатировать, что благодаря ему была создана Древнерусская раннефеодальная империя (протоимперия). Последняя имела в самой близкой перспективе реальную возможность стать правопреемником (как в геополитическом плане, так и в плане главной твердыни восточного христианства) начавшей клониться к закату Византийской империи, оказавшейся не в состоянии выдерживать натиск как с Запада, так и Востока в условиях обострившихся внутренних противоречий. Нельзя не согласиться с оценкой Н. Карамзина, подчеркнувшего в «Истории государства российского», что «Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии» [1]. Целесообразно также привести и характеристику С. Соловьева, данную им в «Истории России с древнейших времен», особенно интересную тем, что она показывает принципиальное отличие государственной деятельности Ярослава от действий всех предыдущих русских князей (за исключением только своего отца, который стоял у истоков процесса объединения русской державы): «...Ярослав не был князем только в значении вождя дружины, который стремится в дальние стороны за завоеваниями, славою и добычей; Ярослав, как видно, был более князем-нарядником страны» [2]. Правда, нельзя замалчивать и то, что единое Древнерусское государство за достаточно короткий период после смерти Ярослава Мудрого (по нашему мнению, вполне обоснованно

© Д. Табачник, 2013

называемого в ряде источников, подобно императору, Ярославом I) вновь оказалось в состоянии жесткого противоборства удельных князей и вследствие этого не сумело закрепить достигнутое геополитическое могущество и внутреннюю стабильность.

Но вернемся к вопросу об исторических достижениях государственного курса Великого князя Киевского. Главным из них было то, что он сумел, преодолев сопротивление сильнейших соперников, объединить древнерусские земли под своей властью, что только и сделало возможными стратегические успехи его политики в других сферах.

Неправильно было бы считать, что будущий властитель объединенной Киевской Руси имел с самого начала выработанный план создания централизованного государства и, тем более, что он не допускал в своей государственной деятельности существенных ошибок (некоторые из них могли стоить ему не только утраты власти, но и жизни). О ряде подобных просчетов будущего главы Древнерусской империи следует упомянуть хотя бы по той причине, что они наглядно показывают пройденный Ярославом нелегкий и зачастую противоречивый путь роста государственного деятеля. Так, необходимы для понимания эволюции Ярослава как государственного деятеля его действия во время княжения в Новгороде в период жесточайшего противоборства с Великим князем Киевским Святополком (заслужившим свое прозвище «Окаянный»).

Сама по себе беспощадная борьба Ярослава со Святополком была явлением несравненно большим, чем обычная княжеская междоусобица, практически всегда имевшая в основе только личное соперничество за власть. Победа Святополка означала бы утрату Киевской Русью государственной самостоятельности и отказ от цивилизационно-вероисповедного выбора, что уже начал реализовывать противник Ярослава. Убийца князей-мучеников Бориса и Глеба, канонизированных впоследствии Русской православной церковью, был женат на дочери польского князя (с 1025 г. короля) Болеслава I Храброго и в борьбе за власть сделал ставку на полномасштабное польское вмешательство во внутрирусские дела. О том, что это было изначально продуманной политикой Святополка, свидетельствует его попытка отложения от Киева в бытность князем Туровским, что было жестко пресечено отцом. В попытке сепаратистского мятежа Святополку уже тогда активную помощь оказал Болеслав Храбрый, прекрасно понявший открывающиеся перед ним перспективы захвата русских земель. Также похоже, что Святополк и его тесть готовили планы вывода русской церкви из-под влияния Константинополя для прямого подчинения Риму. Убедительным подтверждением этого является то, что в попытке отделения Туровского княжества Святополку активно помогал духовник его жены — епископ из польского города Колобжег Рейнберн, игравший при русском князе роль доверенного советника. При этом важно отметить, что задействование поляков принципиально отличалось от использования Ярославом в борьбе со Святополком варяжской дружины. Варяги справедливо считались в Киевской Руси не более чем наемниками, используемыми исключительно в военных целях. Пусть подчас варяжские дружины и выходили из повиновения призвавших их хозяев, но, во всяком случае, речь не шла о захвате ими русских земель и смене цивилизационно-вероисповедной идентичности Киевской Руси (хотя бы уже по той причине, что культура варягов была ниже древнерусской, а вопросы религии их вообще мало интересовали). А опасность польской экс-

пансии для существования Древнерусского государства в целом Ярослав не мог не понять из последовательно и с большим искусством политика (уделявший большое внимание событиям в славянских странах германский хронист Титмар Мерзебургский с полным основанием писал о «лисьей изворотливости» будущего польского короля) [3] проводимых действий Болеслава Храброго. Характерны его действия в отношении сестры Ярослава Предславы, которую Болеслав Храбрый, убегая из Киева в 1018 г., насильно увез под видом законной жены. Наверняка тогда не одному Титмару Мерзебургскому пришла в голову мысль, что таким образом польский князь готовит династически-правовое обоснование для захвата всех земель Киевской Руси и провозглашения себя ее единовластным правителем.

Польская элита, в отличие от варягов, при решении оказать военную помощь Святополку (только благодаря ей он сумел одержать победу над Ярославом на р. Буг в 1018 г. и повторно занять Киев после своего поражения у Любеча в 1016 г.) изначально ориентировалась на значительные территориальные захваты исконно русских земель, а в дальнейшем и сведению Киевской Руси к роли вассального или полувассального государства. Благодаря коллаборационизму (этот термин XX в. наиболее адекватно характеризует политику великого князя киевского) Святополка Болеслав Храбрый уже стал фактически хозяином Южной Руси — польские войска заняли большинство ее городов. Даже после отступления он сумел удержать Червенские города на Волыни, а награбленных на Руси богатств ему хватило для значительного усиления своего влияния в Польше и получения в скором времени королевской короны.

Кстати, следует подвергнуть сомнению легенду (берущую свое начало в «Повести временных лет») о выступлении Святополка против своего тестя после занятия Киева в 1018 г., когда якобы по княжескому приказу началось уничтожение не ожидавших нападения от союзника поляков. Данная легенда была некритично воспринята рядом исследователей, хотя никаких документальных подтверждений (включая и польские источники) о выступлении Святополка против поляков нет. Напротив, тогда Великому князю Киевскому крайне невыгодно было бы лишиться своей наиболее серьезной военной поддержки и, скорее всего, это было стихийное выступление русского населения против польской оккупации или же подготовленное сторонниками Ярослава восстание против поляков. Последнее вполне вероятно, учитывая, насколько можно судить, что антипольские выступления прошли в Киеве и по разным городам Южной Руси синхронно или почти синхронно (что наводит на мысль о наличии единого координирующего центра). Тем более что якобы инициированные Святополком выступления против Болеслава Храброго в результате значительно усилили позицию Ярослава как государственного деятеля, последовательно борющегося против иностранной оккупации русской земли и за ее объединение. Последнее, конечно, не означает, что Святополк не думал о том, чтобы самому покорить все русские земли и объединить их под своей властью. Показательна его, приводимая Нестором в «Повести временных лет», фраза, сказанная после убийства древлянского князя Святослава Владимировича (в переводе на современный русский язык академика Д. Лихачева): «Перебыю всех братьев и стану один владеть Русскою землею» [4]. Но только реализовать свои «объединительные» планы иначе, чем при помощи иностранных оккупантов, он был не в состоянии.

После ухода Болеслава Храброго с большей части русских земель началась борьба Ярослава с также призванными Святополком печенегами, опасность от которых для безопасности Киевской Руси была не многим меньшей, чем от поляков. Когда Святополк увидел, что у него без поляков нет достаточно сил, чтобы отстоять Киев от подходившей новгородской дружины Ярослава, он бежал в 1018 г. из столицы и призвал на помощь печенегов, которые должны были заменить польские войска. И ему едва не удалось в следующем году переломить ситуацию в битве на р. Альте, когда печенеги и дружина Святополка сошлись с войском Ярослава. О невиданной ранее жесточенности этого сражения ярко свидетельствует «Повесть временных лет». Приведем красочное описание этого сражения Нестором Летописцем: «...двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал».

В борьбе за государственное единство Киевской Руси Ярослав неизменно проявлял предельную жестокость по отношению к противникам, что в то лишенное каких-либо сантиментов время было необходимой для достижения победы. Показательной в этом плане является судьба Святополка Окаянного, навсегда ставшего в народном предании одним из главных олицетворений предательства родной земли. Существуют две летописные версии его дальнейшей судьбы. Как пишет Нестор, Святополк, парализованный и безумный, умер «между ляхы и чахы». Новгородская первая летопись старшего извода просто указывает, что князь-изменник бежал к печенегам (где, вероятно, и безвестно сгинул). Заметим, что обе летописные версии объединяет одно — констатация позорного конца бывшего Великого князя Киевского. Однако для характеристики Ярослава более интересна версия древнеисландской «Саги об Эймунде» (основывавшаяся на передававшихся из поколения в поколение рассказах варягов, которые непосредственно участвовали в противоборстве Ярослава и Святополка). Согласно ей Святополк (в саге — Бурицлав) бежал к печенегам и возвратился оттуда с большим печенежским войском (точность приводимых фактов подтверждает достоверность саги как исторического источника). Служивший Ярославу (в саге — Ярицлейв) варяг Эймунд тогда предложил князю убить Святополка и получил слегка дипломатически замаскированное согласие («Не стану я ни побуждать людей к бою с Бурицлавом конунгом, ни винить, если он будет убит») [5].

Дальнейшие события сага описывает следующим образом: «Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идет он сразу туда и сразу же убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава конунга. Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался из мужей Бурицлава конунга при этом великом событии, а Эймунд конунг и его товарищи уехали, и вернулись они домой рано утром. И идет Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. «Теперь посмотрите на голову, господин, — узнаете ли ее?» Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: «Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом, похоронено». Ярицлейв конунг отвечает: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам: вы должны позаботиться о его погребении».

А что будут делать те, кто шли с ним?» Эймунд отвечает: «Думаю, что они соберут тинг (скандинавский и древнегерманский аналог древнерусского вече. — Д. Т.) и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому и не пойдет с ним вместе, и думаю я, что не многие из этих людей станут обрывать своего конунга». Выехали норманны из города и ехали тем же путем по лесу, пока не прибыли к стану. И было так, как думал Эймунд конунг, — все войско Бурицлава конунга ушло и разошлось в несогласии. И едет Эймунд конунг на просеку, а там лежало тело конунга, и никого возле него не было. Они обрядили его и приложили голову к телу, и повезли домой. О погребении его знали многие. Весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем».

Трудно сказать, понимал ли с самого начала борьбы с Великим князем Киевским Новгородский князь, что ему выпала историческая миссия объединения русских земель и создания единого централизованного государства, но он уже явно осознавал это (и эффективно использовал в борьбе за власть) после окончательной победы над Святополком. Об этом убедительно свидетельствует вся его дальнейшая государственная деятельность, главной целью которой было как внутреннее устройство Руси, так и расширение ее пределов. Данному утверждению не противоречит и соглашение с Тмутараканским князем Мстиславом Удалым в 1026 г., о котором Нестор Летописец написал: «И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава... В год 6534 Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

В это время Ярослав не имел достаточно сил, чтобы одержать победу над высокоодаренным полководцем Мстиславом (о чем свидетельствовало сокрушительное поражение Великого князя Киевского в 1024 г. в сражении у Листвена), который вовсе не даром получил прозвище «Удалой» (в некоторых источниках — «Храбрый»). В лучшем случае его ожидала бы дальнейшая затяжная война без малейших гарантий победы, чем, несомненно, воспользовались бы как многочисленные русские князья, недовольные жесткой централизаторской политикой Ярослава, так и внешние силы, не оставившие надежд на захват территорий Киевской Руси. Показательно, что Мстислав Удалой подобно Святополку Окаянному в борьбе против Ярослава опирался на серьезную

внешнюю поддержку давних неприятелей Киевской Руси — хазар и черкесов (черкасов).

О последовательности курса Великого князя Киевского по объединению русских земель убедительно свидетельствует как история противостояния с Мстиславом Удалым, так и достаточно серьезная борьба Ярослава с другими князьями, не желавшими признавать его главенствующей роли (т. е. таким образом, не дававшим создать единое русское государство). Из удельных князей наиболее серьезную угрозу для создания Древнерусской империи представлял князь полоцкий Брячислав Василькович. В 1021 г. он захватил Новгород и подверг его разграблению (это было для Ярослава и открытым личным вызовом), что продемонстрировало силу полоцкого князя как реального соперника Великого князя Киевского в борьбе за первенство. В подобной ситуации Ярослав должен был действовать быстро, жестко и решительно, чтобы не дать возможности пойти по стопам Брячислава другим удельным князьям. С большим напряжением сил, но Ярослав добился победы — собрав значительные силы и догнав уходящего в Полоцк противника на р. Судомири, он нанес там Брячиславу сокрушительное поражение.

Кроме того, тактическое примирение с Мстиславом Удалым было чрезвычайно эффективно использовано Ярославом для укрепления и расширения создаваемой империи. Тмутараканский князь дал Ярославу недостающую ему воинскую силу, с помощью которой Великий князь Киевский успешно решал задачи общегосударственного характера. В 1030 г. в Польше, лишенной после смерти Болеслава Храброго сильной власти, произошли массовые волнения (в результате которых было убито множество видных представителей знати и высшего духовенства), что сильно ослабило ее военные возможности. Ярослав понял, что у него появился шанс вернуть русские земли, ранее оккупированные умершим королем. Однако только своей дружины для освободительного похода было мало, и Ярослав сумел получить в помощь и сильную дружину Мстислава. Это дало ему возможность в следующем году освободить сначала Бельз в Северо-Восточной части Галицкой Руси, а после него и все ранее оккупированные поляками Червенские города, что стало важным фактором для восстановления территориальной целостности Киевской Руси и дальнейшего укрепления ее геополитической роли в Европе. Более того, Ярослав вторгся уже на собственно польскую территорию и в результате победного похода вывел с собой множество пленных (впоследствии они были расселены по берегам р. Рось в новозаложенных крепостях, служивших дополнительной защитой от набегов кочевников). При этом Ярослав избегнул соблазна вмешаться во внутripольские дела, хотя у него была возможность поддержать в своих интересах одну из противоборствующих сторон (по примеру того, как недавно это делал Болеслав Храбрый в Киевской Руси). Ярослав осознавал, что у него для подобных действий недостаточно сил и он тогда надолго увязнет в Польше, что не даст возможности действовать на других важных внешнеполитических направлениях. Время показало, что Ярослав принял верное решение — в дальнейшем это позволило ему заключить стратегический союз с польским князем Казимиром I Восстановителем (внуком Болеслава Храброго). Особую прочность союзу с Казимиром придало то, что Великий князь Киевский выдал за польского князя свою сестру Марию Доброгневу. Кроме того, на этот раз, когда ситуация стала принципиально иной, Ярослав помог новому родственнику

(немедленно признавшему принадлежность Червенских городов Киевской Руси) в 1047 г. подавить мятеж сепаратиста Моислава, ставившего своей целью провозглашение Мазовии независимым государством. Скорее всего, без помощи дружины Ярослава Казимир не смог бы подавить мятеж Моислава или, во всяком случае, борьба с ним затянулась бы на длительный период.

Стоит привести мнение автора «Истории России с древнейших времен» о действиях Ярослава по подавлению сепаратистского мятежа в Польше, где дается объективная оценка политики Великого князя Киевского на польском направлении: «Мы не знаем, какими собственно расчетами руководствовался Ярослав в польских отношениях; но знаем, что он, возвратив свое, принял сторону порядка и христианства, не захотел усиливать варварство и победу над Моиславом Мазовецким нанес последнему сильный удар».

Таким образом, можно констатировать, что результатом долговременной польской политики Ярослава стало не только окончательное закрепление за Киевской Русью Червенских городов, но и превращение Польши из опасного геополитического противника в стратегического союзника (которым она перестала быть только после ослабления государства в результате возобновления княжеских усобиц).

В 1036 г. Мстислав Удалой умирает, и после него у Ярослава уже больше не было реальных соперников, способных оспорить его общерусское лидерство, что еще раз подтвердило правильность вынужденного маневра великого князя киевского. Как писал Нестор Летописец, Великий князь Киевский стал «самовластцем в Русской земле», что абсолютно точно характеризует полноту его власти и ее географические пределы. Однако чтобы окончательно гарантировать незыблемость своей власти на всей территории Киевской Руси (и неразрывно связанного с этим государственного единства империи) им были предприняты меры против княжившего в Пскове Судислава Владимировича, занимавшего во время противоборства Ярослава с Мстиславом Удалым и Брячиславом Васильковичем весьма неопределенную позицию. Сразу после смерти полоцкого князя Великий князь Киевский лишил свободы Судислава Владимировича (последнему пришлось просидеть в заключении 23 года) и ликвидировал Псковское княжество, что можно считать окончанием начатого Ярославом длительного процесса создания единого Древнерусского государства-империи. Ряд исследователей, пытаясь «оправдать» Ярослава, утверждает, что действия Великого князя Киевского объяснялись тем, что Судислав был перед ним «оклеветан». Думается, что никакой «клеветы» не было. Ярослав в ней просто не нуждался — он действовал, если применить оценку дня сегодняшнего, жестоко и вероломно (хотя для нравов Средневековья это был совершенно обычный, скорее мягкий поступок, учитывая, что псковский князь не был казнен), но вполне осознанно, руководствуясь мотивами государственной необходимости. Судислав был потенциально опасен для единства империи (как опасно само по себе было и существование Псковского княжества), а его поведение во время недавно закончившейся княжеской распри давало основания для опасений. Видимо, в такой ситуации, более всего, опасаясь возобновления борьбы удельных князей за власть, Ярослав посчитал, что у него нет другого выхода.

Возвращаясь к вопросу о внешних союзниках Киевской Руси, заметим — то, что Ярослав осознавал значение наличия военно-политических союзников для обеспечения национальной безопасности, свидетельствовали его действия еще

со времен борьбы со Святополком. Выше мы уже писали, что бежавший из столицы Святополк попытался взять реванш, заключив соглашение с печенегами. Великий князь Киевский, понимавший необходимость нейтрализации и отвлечения сил поляков от русских земель, в ответ предпринял «зеркальный» ход. Он заключил союз против Болеслава Храброго с императором Священной Римской империи Генрихом II Святым и договорился относительно одновременного начала военных действий против Польши. Хотя тогда военные действия против Болеслава Храброго как для русских, так и для германских войск окончились безрезультатно (а Генрих II вскоре поменял внешнеполитическую ориентацию на пропольскую), но Ярослав и в дальнейшем продолжал линию поиска союзников на всех внешнеполитических направлениях, что стало одним из главных факторов укрепления позиций Киевской Руси на международной арене.

Конечно, возвращение Червенских городов-крепостей было хотя и стратегически важным (в том числе это обеспечивало безопасность западных границ Киевской Руси), но далеко не единственным действием для расширения территории создаваемой Ярославом империи. Великий князь киевский был вынужден решать вопрос обеспечения безопасности границ не только с Польшей, хотя оттуда долгое время и исходила наиболее реальная угроза.

Крупным военно-политическим успехом Ярослава было закрепление Киевской Руси на северо-западе, ставшее результатом успешных походов против ятвягов и эстов, а основанный Великим князем Киевским (вероятно в ходе одного похода с покорением Пскова) г. Юрьев стал форпостом империи на этом важнейшем направлении.

Отметим, что, как и в случае с Казимиром Восстановителем, и в отношениях с другими влиятельными внешнеполитическими партнерами Ярослав укреплял союзнические отношения путем династических браков: дочь Елизавета была выдана замуж за будущего короля Норвегии Гаральда III Сурового (Грозного), Анна — за короля Франции Генриха I, Анастасия — за короля Венгрии Андрея I Католика. Относительно всех сыновей Ярослава точной информации нет, и разные зарубежные источники того времени дают противоречивую информацию, но можно точно утверждать — Изяслав Ярославич был женат на сестре польского короля Казимира I Гертруде, Святослав Ярославич, вероятно, — на внучатой племяннице императора Священной Римской империи Генриха III Оде Штаденской, а Всеволод Ярославич — на дочери (или племяннице — вопрос остается до сих пор до конца непроясненным) византийского императора Константина IX Мономаха. Остается только добавить, что сам Великий князь Киевский вторым браком был женат на дочери короля Швеции Олафа (Улофа) Шетконунга Ингигерде (в крещении Ирина), что еще более укрепило влияние Киевской Руси в Скандинавии.

Анализирую эту «династическую дипломатию» Ярослава, можно сделать обоснованное предположение, что он преследовал цель более значительную, чем только обеспечение безопасности границ Киевской Руси. Когда задача обеспечения безопасности границ империи была в целом решена, Ярослав приступил к следующему этапу — созданию, по позднейшей терминологии, «континентального блока» из нескольких влиятельных государств Европы, с которыми у Киевской Руси были совпадающие геополитические интересы. Великому князю Киевскому было очевидно, что момент активного включения его государства в европейскую политику настал — к этому времени Киевская

Русь стала одной из наиболее влиятельных европейских держав (например, она далеко превосходила по своему экономическому и военному значению в Европе Францию). Очевидно, что «несущей осью» подобного континентального блока должны были стать Киевская Русь, Священная Римская империя и Франция, союз которых гарантировал бы безопасность Европы. Не будем бесплодно заниматься альтернативной историей, но все же отметим, что если бы Ярослав успел завершить создание континентального блока, то нашествие монголо-татар было бы отбито объединенными силами европейских государств. Если же не заглядывать так далеко вперед, то активность Ярослава в европейском направлении и его настойчивая политика выстраивания системы союзов объективно были направлены против Византии, которая все более явно становилась основным геополитическим противником империи Ярослава.

Если континентальный блок Ярослав так и не успел создать, то цели его политики в отношении кочевников были в основном реализованы. Почти с начала своего правления в Киеве Ярослав решал задачу создания таких границ, которые надежно гарантировали бы безопасность Киевской Руси в окружении хищных соседей, и нанесение такого удара по кочевникам, после которого они бы уже не смогли устраивать опустошительные набеги на русские земли. И Великому князю Киевскому было очевидно, что без нейтрализации кочевников он не сможет эффективно решать другие ключевые проблемы внешней безопасности государства.

Главным достижением в борьбе с кочевниками стала историческая победа Великого князя Киевского над печенегами в 1036 г. (о том, какое значение сам Ярослав придавал этой победе, свидетельствует основание на месте битвы главного собора империи — Святой Софии Киевской, изначально призванного затмить величественные храмы Константинополя). Наделенный редким даром давать лаконичные, но чрезвычайно точные характеристики автор «Истории государства Российского» такими словами охарактеризовал победу Ярослава над печенегами: «Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть Печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслись бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений». Отметим, что поражение печенегов явилось своеобразной демонстрацией достигнутого Великим князем Киевским реального единства Русской империи. С печенегами плечом к плечу сражалась как киевская, так и новгородская дружины, что и дало возможность Ярославу одержать победу, навсегда положившую конец печенежской угрозе.

Боевое содружество киевлян и новгородцев дополнительно указывает на тот факт, что благодаря объединительному курсу Ярослава в Киевской Руси стало складываться чувство общенародного единства. Даже смерть Великого князя Киевского не прервала этот процесс — парадоксальным образом отсутствие сильной власти после него (за исключением периода Владимира Мономаха и в некоторой степени Андрея Боголюбского) делала еще более насущным достижение общерусского единства, фундамент которого был заложен создателем империи. Содержание данного процесса, пожалуй, наиболее точно сформулировал В. Ключевский в своем классическом «Курсе русской истории»: «...сильные князья умели забирать в свои руки силы всей земли и направлять их в ту или другую сторону. Без них, по мере того как их слабые родичи и потомки запу-

тывались в своих интересах и отношениях, общество все яснее видело, что ему самому приходится искать выхода из затруднений, обороняться от опасностей. В размышлениях о средствах для этого киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе о Русской земле, об общем земском деле. Пробуждение во всем обществе мысли о Русской земле, как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого, — это и было коренным, самым глубоким фактом времени... Господствующие идеи и чувства времени, с которыми все освоились и которые легли во главу их сознания и настроения, в ходячие, стереотипные выражения... В XI–XII вв. у нас таким стереотипом была *Русская земля*... В этом и можно видеть коренной факт нашей истории, совершившийся в те века» [6].

Не менее важными (особенно с учетом исторической перспективы развития империи) для Ярослава были и отношения с Византией. Не вызывает сомнения, что русско-византийская война 1043 г. имела под собой причины более глубокие, чем убийство в Константинополе русского купца и последующий отказ греков принести извинение. Византия в силу как внешних, так и внутренних причин все более ослабевала, и тем сильнее ее беспокоило появление вместо слабой и раздробленной Киевской Руси нового геополитического соперника, угрожавшего потерей Константинополем его традиционных геополитических зон влияния. Наиболее вероятно, что демонстративный отказ Константина IX Мономаха удовлетворить обоснованные требования Киева были очевидным шагом, призванным унижить Ярослава. При этом византийский император явно не верил, что Ярослав решится на войну с Византией. В свою очередь, великий князь киевский был хорошо информирован о военной слабости Византии (в том числе благодаря полученной от служившего ранее в византийском войске своего будущего зятя Гаральда информации) и, наоборот, почитал выгодным использовать ситуацию, чтобы показать — время византийского доминирования безвозвратно ушло. В поход на Константинополь Ярославом был направлен поставленный им на новгородское княжение сын Владимир (что давало Великому князю Киевскому гарантию полного контроля над Новгородом и предупреждения в нем возможных проявлений сепаратизма) вместе с опытными военачальниками — Иваном Твомиричем из Киева и Вышатой из Новгорода, а также Гаральдом с его варягами. Замысел Ярослава оправдался — хотя и не совсем так, как он рассчитывал. Русские войска потерпели поражение, но даже грекам было понятно, что оно носит в целом случайный характер и Киевская Русь стала одним из наиболее сильных государств христианского мира. Вначале Владимир Ярославич упустил возможность заключить с греками почетный мир (фактически они этим признавали свое поражение) запросив несоразмерно большую дань, что объяснялось влиянием на князя, мечтавшего о взятии Константинополя, Гаральда. Но даже после этого, когда греки решились на сражение, победу им принесла неожиданная буря, которая переворачивала челны воинства Владимира.

Константин IX Мономах осознавал, что продолжение войны с Киевской Русью несет для Византии огромную угрозу, особенно усугубляющуюся не только растущей военной мощью Киевской Руси, но и активной дипломатией Великого князя Киевского. Учитывая складывавшуюся международную конъюнктуру, стало очевидно, что Ярослав сумеет заручиться поддержкой ряда влиятельных европейских государств против Византии, в то время как последняя

фактически оказалась в международной изоляции. Это заставило византийского императора пойти в 1046 г. на заключение не только мира, но и равноправного союза с Ярославом, что фактически означало признание геополитического равенства Византии и Киевской Руси. Установление союзных отношений с Константинополем облегчило Ярославу и включение в общеевропейскую политику, что делало Киевскую Русь одним из основных геополитических игроков на континенте. Именно с этой целью Ярослав согласился оказывать Византии при необходимости военную помощь, что прямо предусматривалось заключенным соглашением. На основании русско-византийского соглашения дружина Ярослава в 1050 г. спасла Константинополь от взятия печенегами, что можно считать следующим этапом в русско-византийских отношениях — утверждения первенства Киевской Руси по отношению к Византии.

Небольшое замечание — следует опровергнуть обвинения Ярослава в том, что он специально организовал якобы заведомо обреченный на неудачу поход в Византию, чтобы уничтожить новгородскую дружину, подозревавшуюся им в нелояльности и готовности поддержать выступления против Великого князя Киевского. Ни малейших подтверждений подобной версии не существует — наоборот, Ярослав был совершенно уверен в успехе похода, к тому же у него не было никаких оснований сомневаться в лояльности новгородцев, которые находились под жестким контролем Владимира Ярославича. Не менее невероятно звучит, что Ярослав смог сознательно пожертвовать сильной новгородской дружиной, что ослабило позиции империи (в первую очередь на северо-западе). При этом справедливости ради заметим, что речь тут идет не о неспособности Ярослава к тем или иным проявлениям крайней жестокости (вновь подчеркнем — жестокости по меркам нашей современности) и макиавеллизма (хотя данный термин обычно превратно понимают — и Великий князь Киевский действительно во многом основывал свой государственный курс на сформулированном через несколько столетий великим флорентийским мыслителем постулате о том, что государство основывается на организованной политической власти и законах). Когда новгородцы в ответ на бесчинства варяжской дружины новгородского князя в 1015 г. перебили большинство варягов, князь отреагировал в духе того времени. Он заявил новгородцам, что прощает их и пригласил представителей знати к себе. Но вместо прощения княжеская дружина устроила массовую резню, в ходе которых было убито, по летописным данным, около 1000 человек (хотя цифра представляется сильно преувеличенной). Однако в эту же ночь он, как утверждает «Повесть временных лет», получил известие из Киева от Предславы: «Отец умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, послал и на Глеба, берегись его». Ярослав сразу же понял, чем грозят ему лично действия Святополка, а также то, что справиться с убийцей первых русских святых ему без помощи новгородской дружины не удастся. Это заставило его почти что покаяться в своих действиях перед новгородцами и попросить их помочь в борьбе со Святополком. Новгородская знать на это согласилась (по каким причинам — скажем ниже) без всяких условий, и их представители ответили на Ярославов призыв о помощи: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можем по тебе бороться».

Отметим в связи с этими событиями следующее — будущий создатель Древнерусской империи как политик сумел полностью обыграть знать Новгорода, которая поддержала князя исходя лишь из собственных местни-

ческих интересов. Новгородская верхушка посчитала, что, поддержав своего князя в борьбе против великого князя киевского, она тем самым может освободиться от власти Киева и сделаться фактически независимым государством. Однако, поддержав Ярослава в расчете на достижение сепаратистских целей, новгородская верхушка объективно действовала в целях созданий единой империи Киевской Руси. Это было, конечно, совершенной неожиданностью для элиты Новгорода — все предыдущие действия Ярослава убедили ее в том, что он поддержит их намерения отделиться от Киева. Ведь еще совсем недавно, при жизни своего отца Владимира Святославича, он отказался платить ему полагающуюся дань (т. е. де-факто отказался признавать верховенство Великого князя Киевского), что едва не привело к началу военных действий. Владимир тогда, как свидетельствует Нестор Летописец, отдал приказ: «Расчищайте дороги и мостите мосты», что было равнозначно указанию начать подготовку похода на Новгород. В свою очередь, понимавший опасность для него прихода киевской дружины Ярослав призвал на помощь варягов, которые вскоре и стали причиной возмущения новгородцев. Призвание варягов свидетельствовало о том, что Ярослав не собирается отступать и только скорострительная смерть Владимира в 1015 г. не дала начаться войне между Киевом и Новгородом. Ирония истории в том, что пытавшийся ради эгоистических мотивов получения единоличной власти и увеличения доходов посягнуть на лидерство Великого князя Киевского новгородский князь вскоре стал главным борцом за единую русскую державу. А его честолюбивые мечты реализовались в степени несравненно большей, чем он мог предполагать перед смертью отца — желая вначале стать лишь полновластным хозяином Новгорода, он стал объединителем и полновластным хозяином всей русской земли. Впрочем, это не является подтверждением отсутствия в истории нравственных императивов — скорее можно вспомнить слова исторического персонажа другой страны и эпохи о том, что неважно откуда пришел человек — важно с чем он пришел.

Подчеркнем, что достигнутое Ярославом территориальное расширение границ Киевской Руси ни в коей степени не было завоевательной экспансией (как, например, у Польши, а позднее у Тевтонского ордена или монголо-татар). Великий князь Киевский стремился лишь пресечь агрессию против создаваемого единого русского государства и обезопасить его границы. Убедительным свидетельством этого является, среди прочего, создание Великим князем Киевским системы защитных земляных валов и укрепленных пунктов — так называемых «Змиевых валов» (по грандиозности это фортификационное сооружение можно сравнить с Великой Китайской стеной) на границе с кочевниками. Понятно, что в случае нацеленности Великого князя Киевского на территориальную экспансию, а не на защиту границ Киевской Руси требующие огромных затрат и труда оборонительные сооружения не имели бы смысла.

Обеспечение Ярославом внешней безопасности одновременно имело и решающее значение для стабильного развития встающей на ноги державы во всех жизненно важных сферах — развитии культуры, становлении церкви и т. д. Остановимся лишь на одном вопросе, демонстрирующем понимание важности правовой унификации как одного из важнейших факторов консолидации Киевской Руси (не менее значимого, чем сугубо силовой). Русская Правда Ярослава создала для всех земель империи единое правовое поле, что укрепляло

Киевскую Русь перед внешними угрозами и давало возможность стабильного развития.

Подчеркнем знаковый момент, без которого невозможно понять всю важность этого первого отечественного кодекса, объединившего в конечном счете в себе нормы как уголовного и гражданского права, так и процессуального законодательства. Русская Правда была именно обязательным для исполнения сводом государственных правовых норм, а не правовым кодексом исключительно для использования церковным судом, как это пытаются доказать историки школы В. Ключевского. Сам ученый писал по этому поводу: «...что такое Русская Правда? Это — церковный судебник по духовным делам лиц духовного и светского ведомства. Русская Правда — свод постановлений об уголовных преступлениях и гражданских правонарушениях в том объеме, в каком нужен был такой свод церковному судье для суда по недуховным делам церковных людей... Русская Правда и Ярославов церковный устав являются как бы двумя частями одного церковно-юридического кодекса». Или не менее категоричское и столь же слабо аргументированное утверждение выдающегося историка: «...текст Русской Правды сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе. Церковный кодификатор воспроизводил действовавшее на Руси право, имея в виду потребности и основы церковной юрисдикции, и воспроизводил только в меру этих потребностей и в духе этих основ» [6].

Практически единственным доводом при этом является то, что Русская Правда не предусматривала решения судебным поединком (так называемым «полем»), хотя в других источниках он упоминается. В связи с этим приводятся ссылки на византийского писателя Льва Диакона и арабского Ибн-Даста. Не говоря уже о том, что их свидетельства относятся к X в., понятно, что кодифицированное право далеко не сразу имеет возможность полностью вытеснить нормы традиционного неписаного права. Даже при всей твердости власти Ярослава (какой она при этом стала далеко не сразу) Русская Правда не могла за короткий период вытеснить укоренившиеся в народной традиции нормы права обычаев. Хотя, в конце концов, сам В. Ключевский вынужден был осторожно признать, что Русская Правда со временем перешла из сферы церковного в сферу государственного права.

Причина, по которой ученый явно пытался принизить государственное значение Русской Правды, сведя ее к уровню церковного суда, очевидна — он считал «варварством» доминирующий в ней подход наказания денежным штрафом за совершение уголовных преступлений против личности (особенно его возмущала эта норма в отношении убийства).

Но позиция В. Ключевского в отношении Русской Правды чрезвычайно полезна для исследователя тем, что дает возможность «препарировать» первый кодекс отечественного права, в том числе установить следы и значение влияния на него зарубежных правовых систем. Действительно, В. Ключевский прав, что в ней наличествуют элементы церковно-византийского права (но не более чем элементы), однако там же есть, пусть и в меньшем количестве, элементы германского права, а также скандинавского и древнеславянского права обычаев. Вместе с тем Русская Правда ни в коей мере не носит компилятивного характера. Дело даже не в том, что ни одна статья из зарубежных правовых норм не

наличествует в ней дословно, без переработки (иногда весьма существенной). Русская Правда самым своим существованием доказывает правильность концепции «исторической школы права» выдающегося германского правоведа XIX в. Ф. фон Савиньи (к последователям которой автор относит и себя). Согласно концепции исторической школы права, любая правовая система (конечно, за исключением механически заимствованных) является результатом длительного эволюционно-исторического развития, имеет выраженную национальную специфику и отвечающую ей духовную основу. Как утверждал Ф. фон Савиньи в своей главной работе, многотомном исследовании «Система современного римского права»: «В юридической науке всякий успех зависит от взаимодействия различных видов духовной деятельности. С целью выделения одного из таких видов и определения соответствующего ему направления в правоведении я и другие исследователи в свое время ввели в употребление термин «историческая школа». В тот период эта сторона юридической науки особо выдвигалась на передний план, но делалось это отнюдь не для того, чтобы отрицать или приуменьшать ценность других направлений, а в связи с тем, что в течение длительного времени исторический подход не использовался в правоведении и поэтому здесь больше, чем где-либо, было необходимо стимулирующее воздействие с тем, чтобы вновь восстановить естественные права историзма в юридической науке» [7].

Русская Правда, творчески переработав различные зарубежные светские и церковные правовые системы, успешно адаптировала их к условиям Киевской Руси, сделала соответствующими интересам подавляющего большинства населения и духовно-цивилизационной основе государства. Она также стала неотъемлемой составляющей государственной линии Великого князя Киевского по созданию империи, призванной стать одним из главных геополитических центров Евразии и внесла существенный вклад в решение данной задачи.

Иницируя создание Русской Правды, Ярослав понимал необходимость системных изменений, хотя мог довольствоваться силой своего княжеского суда и сохранить укоренившееся право обычаев. Однако Великий князь Киевский не проявил подобной системности в основном вопросе государственного строительства. Он уничтожил губительную для интересов Киевской Руси удельную систему как факт государственной жизни, но не сделал следующий необходимый шаг — уничтожение этого института и в правовом отношении. Возможно, в нем победили родственные чувства (яркий пример — решение о княжении в Новгороде сына Владимира), как считал Н. Карамзин. Ведь без сильного общегосударственного лидера не ликвидированная в правовом отношении удельная система (которая, как и любая система, всегда возобладает над личностями) будет проявлять тенденцию к самовосстановлению. Возможно, он собирался сделать это в будущем, не считая срочной подготовку такого правового документа в то время, когда воля Великого князя Киевского была абсолютным законом для всей империи. Ярослав при всей своей мудрости мог предусмотреть многое, но не день собственной смерти, и возможность окончательного закрепления общегосударственного единства была упущена. Тем наследникам Ярослава, которые, как и он, проводили линию созидания на создание единого государства, сделать это уже было значительно сложнее — ни один из них (даже Владимир Мономах) не обладал таким авторитетом и силой, как создатель так недолго существовавшей Древнерусской империи.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. — М., 1991.
2. *Соловьев С. М.* История России. — М., 2001.
3. *Kronika Thietmara, wyda* — Marian Zygmunt Jedlicki. — Poznan, 1953.
4. *Повесть временных лет* / пер. Д. С. Лихачева. — М., 1997. — (Серия «Азбука-Классика»).
5. *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (до середины XI в.). — М., 1994.
6. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. — СПб., 1904.
7. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М., 2011. — Т. I.

Табачник Д. В. Ярослав Мудрый как государственный деятель

Аннотация. В статье рассмотрены исторические достижения Великого князя Киевского Ярослава Мудрого, который объединил древнерусские земли под своей властью, что сделало возможными стратегические успехи его политики в других жизненно важных сферах.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, государственный деятель, Киевская Русь, Русская Правда.

Tabachnik D. Yaroslav the Wise as Statesman

Annotation. The article considers historical achievements of the Kievan Grand Prince Yaroslav the Wise, who united the ancient Russian lands under his rule, which made possible strategic success of his policies in other vital areas.

Key words: Yaroslav the Wise, statesman, Kievan Rus, Russkaia Pravda.